

Людмила ШАПОВАЛОВА, «Известия»

Итальянский журнал «Панорама» опубликовал материал журналистки Сандры Петриньяни, написанный после ее встречи с сыном Бориса Пастернака — Евгением, и Ольгой Ивинской, послужившей прообразом Лары, героини романа «Доктор Живаго». (В 1958 году Пастернак в письме Ренате Швейцер писал: «Во втором послевоенном времени я по-

знакомился с молодой женщиной — Ольгой Всеволодовной Ивинской... Она и есть Лара моего произведения, которое я именно в это время начал писать... Она олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. По ней незаметно, что она в жизни перенесла... Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела...») Внимание к

наследникам, обладающим авторскими правами на издание этого произведения, появилось не случайно. Стало известно о том, что написано продолжение «Доктора Живаго» под названием «Ребенок Лары», а английское издательство «Трансуорлд» приобрело авторское право на него. Оно задумано как вторая часть пастернаковского «Доктора Живаго». Его автор — Александер Моллин (псевдоним Джима Уильямса). Выход романа «Ребенок Лары» в свет намечен на октябрь будущего года.

Но не все так просто. Итальянское издательство «Фельтринелли», ставшее в 1957 году единственным обладателем авторских прав пастернаковского романа после того как его рукопись была тайно вывезена из СССР, заявило протест по поводу предстоящего появления «Ребенка Лары», дескать, оно нарушает его исключительное право на оригинал. В послании, с которым «Фельтринелли» обратилось в «Трансуорлд», го-

ворится, что, согласно условиям договора, заключенного в свое время с Пастернаком и продленного с его наследниками, итальянскому издателю принадлежит полное право на любое использование романа (адаптация, разработка темы и т. д.). Правда, в претензиях «Фельтринелли» содержится оговорка, что оно не против «Ребенка Лары» — однако «представляется маловероятным, что в данной работе сохранится дух оригинала». «Трансуорлд» отвергает

претензии «Фельтринелли»: «В нашем законодательстве нет авторских прав на использование персонажей книг... У нас есть благословение на издание от правопреемницы Пастернака — госпожи Пастернак-Слейтер...»

Сын Пастернака Евгений категорически против «продолжения» романа. Того же мнения придерживаются и другие наследники поэта. Литературный агент А. Моллина Джеймс Хэли коротко так рассказывает о новой книге: «Ребенок

Лары» — 900-страничная рукопись, половина из которой уже сдана в работу. Отсчет времени в книге начинается за три года до смерти Лары в «Живаго». Роман разделен на три части. Главное действующее лицо дочь Лары и Живаго — Таня. Действие происходит в Москве, Париже и Испании, где и завершается во время гражданской войны.

Нижне мы публикуем с сокращениями перевод материала из журнала «Панорама».

Ольга Ивинская рассказывает, как Пастернак отказывался от Нобелевской премии («Это был жестокий удар для него, — комментирует рассказ присутствующий при разговоре сын Ивинской Дмитрий Александрович. — Возможно, этот удар и убил его. У него был рак, но Пастернак не думал о скорой смерти»). «Ему угрожали, — говорит Ивинская. — Если он согласится принять премию, то его вынудят покинуть страну, а меня снова посадят. Тогда он послал письмо с отказом от премии в обмен на новую работу для меня. Странная моя судьба. Так связана она с Пастернаком и «Живаго». Когда был реабилитирован роман, реабилитировали и меня».

Ольга живет доходами от авторских прав (около 5 тысяч долларов в год), разделяя права с Евгением Пастернаком; остальное идет государству, так договор был заключен еще до последних политических изменений в России.

Но Ивинскую этот вопрос особенно не волнует. С сожалением она думает об утерянной главе под заголовком «Цветы»: пять или шесть страниц «Живаго». «Мне они кажутся очень красивыми, но Борис не включил их в книгу, посчитав слишком лирическими. Там говорится о жизни, которая продолжается после смерти, когда душа умерших переселяется в цветы, распутившиеся на могиле». Евгений, куратор изданий, эти страницы никогда не находил, он считает, что отец их уничтожил.

Неизбежный вопрос для Ольги — Лары: каково чувствовать себя мифом? «Я никогда себя им не чувствовала. Скоро мне 80 лет, и моя жизнь заканчивается. Что остается? Труд Пастернака. Горжусь, что посвятила свою жизнь такому большому поэту».

АНГЛИЧАНИН ИЗДАЕТ ПРОДОЛЖЕНИЕ «ДОКТОРА ЖИВАГО». НАСЛЕДНИКИ ПАСТЕРНАКА ПРОТИВ

«Продолжение «Доктора Живаго»? Но это же смешно. И кто пишет? Англичанин? Под названием «Ребенок Лары»? Это уж слишком!» Такими словами встретила реальная Лара, она же Ольга Ивинская, известие о том, что английское издательство собирается издавать «Доктора Живаго-2». В своей уютной квартирке в рабочем квартале северной части Москвы Лара-Ольга выглядит слегка озадаченной. «И кто же этот ребенок Лары? — спрашивает она. — В самом деле, я ждала ребенка от Пастернака перед тем, как меня забрали на Лубянку».

Значит, ребенок Лары существовал на самом деле? «Лишь короткое время, восемь месяцев, в моей утробе: он родился мертвым. Пастернак хотел этого ребенка и делал все, чтобы освободить меня из тюрьмы, обращался в КГБ. Он узнал о моей беременности от одной женщины, которая приходила к Лубянки и передавала ему весточки от меня. Затем меня отправили в ГУЛАГ в Мордовию. А знаете, за что меня арестовали? Я устраивала домашние чтения «Доктора Живаго». Борис только что закончил роман».

Не решились забрать его вместе с ней, несмотря на то, что Пастернак открыто делал заявления, на которые другие не



решились бы. Однако против него копилась «доказательства», доносы. Шел 1949 год... «Меня осудили на пять лет. Отсидела на год меньше, освободили после смерти Сталина, в 1953 году», — говорит Ивинская.

Любовь между Ольгой Ивинской и Борисом Пастернаком зародилась в редакции журнала «Новый мир» и длилась до смерти писателя. Ольге (Оле, как называл ее Борис) тогда было 33 года, она имела двоих детей, Ирину и Дмитрия. Пастернаку — 55 лет, он тоже имел двоих детей — Евгения и Леонида...

По словам Ольги Ивинской, любовь ее и Бориса в книге передана достоверно. Лара, наконец, это реальная Ольга, а Юрий Живаго — сам Борис Пастернак. Ивинская говорит, что именно она стала связующим звеном между автором и Джанджаком Фельтринелли, который издал роман в 1957 году... «...перед смертью он написал Фельтринелли, распорядился, чтобы оставить за мной право на зарубежное издание романа и «Автобиографии». Джанджакомо

был настоящим другом. Когда после смерти Пастернака меня опять арестовали за содействие в публикации романа в Италии, Фельтринелли делал много, чтобы меня освободить, правда, не смог ничего добиться. Переписка с издательством «Фельтринелли» весьма интересна, хотелось бы получить ее назад. Архив Пастернака был у меня конфискован и, думаю, до сих пор хранится в КГБ».

Ивинская вздыхает. Со шкафов, полных книг, смотрят старые фотографии: молодая Ольга с копной светлых волос, Ольга возле гроба Пастернака.

Она не сказочно прекрасна, как Джули Кристи в фильме «Доктор Живаго». «Ах, этот фильм... Красивый, да, немного романтизированный. И потом некоторые детали... Эти роскошные меха, например. Мы та-

ких мехов не имели...» Она на мгновение отвлекается от воспоминаний о Пастернаке, чтобы рассказать о том дне, когда ей позвонил Омар Шариф — хотел познакомиться с реальной Ларой: «Я испугалась за него. В то время посещать меня было небезопасно, и мы не встретились».

Что было после ее освобождения из лагеря в Мордовии? Ивинская оживает. «Началась новая жизнь. Борис снял для меня крохотный домик неподалеку от своей дачи и навещал не реже двух раз в день. Мы больше не расставались. Лишь ненадолго в последний год жизни, когда он согласился поехать в Тбилиси. Мне писал по два письма на день. Вообще-то наша переписка скромна, потому что мы постоянно были рядом, если не считать десяти



дней его поездки в Тбилиси и четырех лет моей тюрьмы. В те годы он посылал мне открытки, подписывал их «Мама», но почти все они потеряны».

Не имела ли их связь скандального душка, ведь Пастернак был женат? «Нет, ничего подобного. Жена, Зинаида, знала все, но не могла ничего поделать. Она приезжала из Москвы, когда хотела: следила за огородами, убирала... Мы с Борисом отмечали праздники в

моем домике, приглашали друзей. Все знали о нем все, это ни для кого не было секретом. Приезжало столько известных людей. Борис при этом чувствовал себя раскованным, в общении он всегда жил в постоянном напряжении, был человеком нерешительным. Я делала за него то, что ему было в тягость: печатала на машинке, ездила в Москву для решения запутанных дел»...